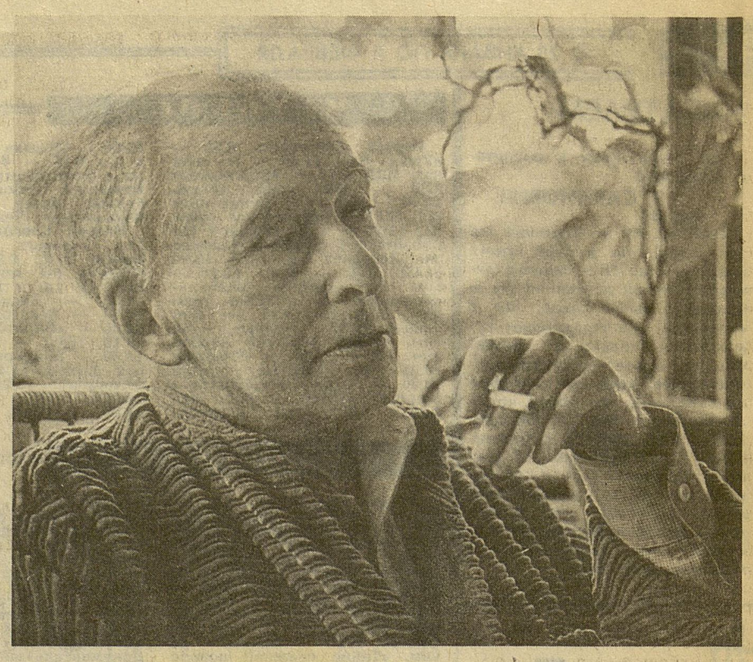
Шаламов В.



Чем продолжительнее молчание, тем удивительнее речь — эти слова Николая Ушакова относятся к художнику. Когда долго молчит большая страна, речь ее оказывается сбивчивым, путаным многоголосием. Сегодня говорят все и говорят много — услышанным быть трудно. В середине шестидесятых годов, когда свернули хрущевскую оттепель, правдивые голоса стали наперечет, и доходили они лишь до тех, кто беспокойную правду предпочитал бытовому покою.

Диалог 1966 года

Илья Эренбург — Варлам Шаламов:

«НАМ НАДО РЕАБИЛИТИРОВАТЬ СОВЕСТЬ»

В архиве Ильи Эренбурга сохранилась сделанная неизвестной рукой запись его выступления на встрече с читателями Москвы в 1966 году. Это было одно из последних публичных выступлений писателя, и прямота, с которой Эренбург отвечал на поставленные вопросы, диктовалась не только его возрастом и характером, но и пониманием того, что куцые демократические свободы, отпущенные Хрущевым,— уже на исходе. Запись ходила тогда по Москве, о чем свидетельствует письмо Варлама Шаламова Эренбургу, в котором он высказывает свои соображения об этом выступлении. Вопросы, волновавшие тогда аудиторию — о корнях сталинщины и о гарантиях ее неповторения,— все еще требуют ответа, и нынешнему читателю, может быть, небесполезно узнать, что об этом думали такие значительные, неординарные свидетели эпохи, какими каждый по-своему были Эренбург и Шаламов.

Нельзя сказать, чтобы имена Эренбурга и Шаламова привычно сопрягались в общественном сознании — слишком разными были их судьбы. Но в политической ситуации шестидесятых годов они стояли, если уместно такое выражение, по одну сторону баррикад.

В 1961 году вышла первая книга стихов Варлама Шаламова (автору шел 55-й год). Среди тех немногих писателей, которым он посчитал нужным ее послать, был и Илья Эренбург. Надпись на книге нестандартная для этой ситуации: «Илье Григорьевичу Эренбургу. Спасибо Вам за Ваши теплые слова о Мандельштаме. 14 мая 1961 г. В. Шаламов» [1]. Здесь имеется в виду глава в книге «Люди, годы, жизнь», незадолго перед тем напечатанная в «Новом мире». Эренбург был первым у нас, кто рассказал в печати о Мандельштаме, первым, кто процитировал многие его неопубликованные стихотворения, и это было оценено даже такими пристрастными читателями его мемуаров, как Анна Ахматова [2]. Можно уверенно утверждать, что в шестидесятых годах подавляющая масса любителей поэзии узнала о Мандельштаме только из книги Эренбурга (последний сборник Мандельштама вышел малым тиражом в 1928 году, а сколько его читателей разделило судьбу автора, сколько погибло на войне). Шаламов, знавший и любивший стихи Мандельштама, не мог не откликнуться на эренбурговские мемуары.

О личном знакомстве Эренбурга и Шаламова мало что известно, но вот точный факт — их встреча на первом после реабилитации Мандельштама вечере, посвященном его творчеству. Это было 13 мая 1965 года на мехмате МГУ. Эренбург председательствовал. Обращаясь к собравшимся, он сказал: «Этот первый вечер устроен не в Доме литераторов, не писателями, а в университете молодыми почитателями поэта. Это меня глубоко радует. Я верю в вашу любовь к поэзии, верю в ваши чувства и радуюсь тому, что вы молоды» [3].

В зале тогда присутствовала Н. Я. Мандельштам, выступали — Н. К. Чуковский, Н. Л. Степанов, А. А. Тарковский, Варлам Шаламов. В записи, сделанной тогда (она широко ходила в самиздате и была напечатана за границей), о последнем выступлении сказано кратко: «Варлам Шаламов говорит о своем рассказе «Шерри-бренди», написанном на Колыме, и как он удивился, вернувшись и увидя стихи Мандельштама в каждом доме [4]. Читает рассказ».

Зал, в котором проходил вечер, был заполнен и студентами, и людьми пожилыми, но о Шаламове многие прежде не слышали. Вот одно из свидетельств: «Затем какой-то человек, очень нервный и неровный, который сидел вместе с О. Э. на Колыме. Он говорил, затем прочел свою повесть — жуткую, о том, как умирал О. Э. И так было у всех на душе колмутно, а тут эта натуралистическая повесть...» [5]. У Шаламова к тому времени вышло уже два сборника лирики, а «Колымским рассказам» еще предстоял очень долгий и очень трудный путь к уму и сердцу читателя...

Закрывая вечер, Эренбург обратился к почитателям поэзии Мандельштама со словами надежды: «Может быть, как капля, которая ест камень, наш вечер приблизит хотя бы на один день выход той книги, которую все мы ждем. Я хотел бы увидеть эту книгу на этом свете. Я родился в одном году с Мандельштамом. Это было очень давно. Впрочем, после того периода, который называется периодом беззаконий, тоже прошло уже много времени. Подростки стали стареть. Пора бы книге быть» [6].

После мандельштамовского вечера общение Шаламова с Эренбургом стало, как кажется, более частым. Свою вторую книгу («Шелест листьев») Варлам Тихонович подарил Эренбургу, сделав на ней надпись, говорящую о многом: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу, поэту и политику, с глубочайшим уважением и симпатией. Москва, сентябрь 1966. В. Шаламов».

С началом периода стагнации для Шаламова исчезает последний шанс увидеть «Колымские рассказы», напечатанные на родине. Завершение мемуаров Эренбурга, запрещенное аппаратом Хрущева вопреки его личной рекомендации (август 1963 г.), напротив—неожиданно появляется в журнале, а затем выходит отдельным изданием (сусловская епархия этим, с одной стороны, демонстрировала борьбу с хрущевским волюнтаризмом, поскольку нападки свергнутого лидера на книгу «Люди, годы, жизнь» в марте 1963 года еще у всех были в памяти, а с другой — избавлялась от нежелательной критики еврокоммунистов, неизменно поддерживавших Эренбурга в послесталинское время) [7]. За долгие десятилетия Эренбург привык жить под двойным огнем: отечественные догматики неизменно обличали в нем космополита, субъективиста, поборника формализма в искусстве (А. А. Фадеев как-то пошутил, что эренбурговская квартира, увешанная работами Пикассо,— это последняя цитадель формализма в СССР), с другой стороны, так называемая буржуазная печать Запада с неменьшим аппетитом обвиняла его в ангажированности, именуя «сталинским эмиссаром». Но в шестидесятые годы началась заметная дифференциация интеллигенции, зародилось диссидентство, и с выходом книги «Люди, годы, жизнь» возникла новая для Эренбурга неофициальная критика «слева» — его стали обвинять в том, что он говорит не всю правду, непоследователен, недостаточно глубоко разоблачает сталинизм. Для Эренбурга, работавшего на пределе цензурных возможностей (только теперь удалось подготовить полное издание его мемуаров, восстановив многочисленные цензурные вымарки) и никогда не работавшего «в стол» (таковы уж были его психологическая природа и его жизненная программа), нападки «слева» оказались неожиданными, они вызывали недоумение и горечь. Тем ценнее было «уважение поэту и политику», высказанное Шаламовым, мастером беспощадной прозы, человеком страшной, даже по российским меркам, судьбы.

Поздравляя Эренбурга с новым, 1967 годом, Шаламов написал: «Люди, годы, жизнь» вышли крайне своевременно. Измените Ваше решение — введите в «ЛГЖ» еще лет тридцать — скажем с 1953 по 1983 год [8]. Это и есть мое новогоднее пожелание. С любовью и уважением В. Шаламов».

Летом Эренбург получил еще одно его письмо: «Дорогой Илья Григорьевич, посылаю Вам новую свою книжку «Дорога и судьба» на Ваш суд. Это — стихи десяти- и двадцатилетней давности, обломки колымских тетрадей. Прошу принять «Дорогу и судьбу» — с добрым сердцем. Ваш В. Шаламов».

Это было написано 25 июня, а в последний день лета Эренбурга не стало. Он, в общем-то, предчувствовал, что ждет страну впереди, но весь этот цирк был уже без него. А Шаламову выпало еще много мучительных лет, но конца той эпохи он не увидел.

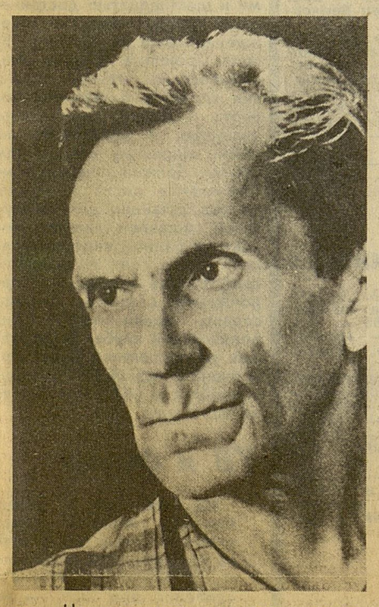
Вернемся теперь в 1966 году.

Молодежный клуб интересных встреч, существовавший тогда в Москве, пригласил Эренбурга на обсуждение его книги «Люди, годы, жизнь». Эренбург охотно согласился (он всегда любил говорить с молодежью). Встрече придали форму читательской конференции. Проходила она в помещении библиотеки имени Фурманова на Беговой.

9 апреля 1966 года
Выступление И. Г. Эренбурга в Молодежном клубе интересных встреч

Здесь говорили, что моя книга [9] написана не для миллионов, а для отдельных избранных личностей. Время проходит, и книги, написанные для тысяч, становятся книгами для миллионов, а книги, написанные для миллионов (я имею в виду не тиражи, их определяет не читатель, а руководство), просто перестают быть литературой. Кто нынче читает, скажем, Демьяна Бедного или Панферова? Я не славолюбив и не почитаю за честь печататься миллионными тиражами. Мне по душе Стендаль, который хотел, чтобы его читали через сто лет, и которого читают и будут читать.

Что настоятельно необходимо для нас в настоящее время? Нам надо реабилитировать совесть. Сделать это может (после отказа от религии) только искусство. Но искусство не есть совершенно определенное понятие: искусство разное, потому что люди разные. В одних мир входит через видимое, в других через слышимое... На одних искусство действует через Пикассо, на других через Рембрандта, на третьих через Пушкина и Гоголя, на четвертых через Бетховена. На одних действуют привычные формы в искусстве, на других необычное, новое. Необходимо только, чтобы это было подлинное искусство, а не подделка под него. И надо уметь отличать подлинное искусство от подделки, как женщины умеют отличать натуральную шерсть от искусственной.



Человек, в котором есть только знание, но нет сознания (а под сознанием я понимаю совесть), это еще не человек, а полуфабрикат. Даже в том случае, если это что ни на есть талантливый физик или еще кто-нибудь. Беда наша в том, что наш мир стал миром таких полуфабрикатов...

У меня сохранилась от 1932 года тетрадка — стенограмма комсомольского собрания на Кузнецкстрое, обсуждавшего тему любви [10]. Встал вопрос: следует ли комсомольцу, работающему на стройке, жениться. Встал один юноша и говорит: «Следует. Прежде я часы тратил на уламывание девахи, а теперь приходишь домой и ни минуты не пропадает. Сколько времени я выгадываю для работы!».

Это было начало! А вот теперь это мир знания без сознания, мир полуфабрикатов, которые не только свои мысли и социальные чувства, но и свои отношения к людям строят на последней инструкции или директиве от такого-то числа.

Меня упрекают в том, что я скомкал конец своей книги, где говорится о Сталине, утверждают, что я обязан был до конца разоблачить его и т. д. Врач Тер-Григорян, родившийся в 1931 году, в своем выступлении заявил: «Это ваш долг как человека с мировым резонансом, долг уже потому, что другой писатель, тоже с мировым резонансом, позволил себе буквально в эти дни недостойное выступление, в котором поставил рядом антидемократические беззакония наших дней с революционной законностью первого периода советского государства».

Я не согласен с этим. В письме ко мне, которое идет по Москве [11], меня упрекают, что я называю Сталина умным. А как же можно считать глупым человека, который перехитрил решительно всех своих бесспорно умных товарищей? Это был ум особого рода, в котором главным было коварство, это был аморальный ум. И я об этом писал. Не думаю, что дело выиграло бы, если бы я добавил несколько бранных эпитетов в адрес Сталина.

Я сделал то, на что я способен, сделал все в пределах того, что мне понятно, дал психологический портрет наиболее экономными средствами. Но тут граница моего разумения. И в этом я открыто признаюсь и признавался. Ведь исторически дело не в личности Сталина, а в том, о чем говорил Тольятти: «Как Сталин мог прийти к власти? Как он мог держаться у власти столько лет?» [12]. Вот этого-то я и не понимаю. Миллионы верили в него безоглядно, шли на смерть с его именем на устах. Как это могло произойти?

Я вижу петуха в меловом кругу или кролика перед пастью удава и не понимаю. Ссылки на бескультурье и отсталость нашего народа меня не убеждают. Такие доводы кажутся мне неубедительными. Ведь аналогичное мы видели в другой стране, где этих причин не было [13]. Я жажду получить ответ на этот главный вопрос, главный для предотвращения такого ужаса в будущем. И я приглашаю всякого, кто может ответить на этот вопрос, позвонить и прийти ко мне, но так, что говорить буду не я, а пришедший. Я же буду слушать неограниченное количество часов...

Я хочу ответить на поставленные здесь вопросы:

1. Не настало ли время назвать по имени друга из московской подпольной большевистской организации, который привлек меня к революционной деятельности?

2. И такой же вопрос о том товарище, который при свидании в Вене послужил причиной моего отхода от партии.

По первому вопросу: вы меня обижаете. Я никогда не считал, что не время называть имя одного из лучших моих друзей — Николая Ивановича Бухарина. Но не я определяю, что можно печатать [14]. Я только пишу. Изъятия из моей книги делались не мною, а издателями, и не только на стадии редактирования, но и на стадии набора. Особенно это отразилось на пятой части моей книги [15]. Она печаталась в то время, когда Хрущеву моя книга не понравилась, а ее судьбу решали люди, для которых каждое слово Хрущева было законом. Точно так же, как теперь для них закон — чернить Хрущева.

По второму вопросу: здесь дело обстоит как раз наоборот. Мои издатели были бы довольны, если бы я назвал имя этого человека [16]. Но я считал нетактичным, даже аморальным сделать это, так как мои слова о тогдашнем венском инциденте могли бы быть восприняты как утверждение, подсказанное дальнейшими делами и судьбой этого человека.

Будет ли переиздана моя книга? Обещают сделать это в 8-м и 9-м томах моих сочинений чуть ли не в этом году и даже без предисловия!..[17]. Но я стал суеверным и, чтобы не сглазить, хватаюсь рукой за дерево.

Удастся ли восстановить вырезанное из прежних изданий? И что именно? Я не знаю. Дополнения сделаю: 1) о Фадееве (не дали напечатать) [18], 2) о Тынянове. Вижу, что надо написать подробнее [19].

По поводу статей военных лет. Не жалею о них и не недооцениваю их (в чем меня здесь упрекал товарищ, прошедший через всю войну). Это относится и к статье «Убей немца!». Поход против нее был попыткой политического заигрывания с немцами, меня решено было принести в жертву как персону, особенно ненавистную им [20]. Что это была неоправданная и не оправдавшая себя игра, стало ясно уже очень скоро: пожертвование Эренбургом не сделало фашистские расправы с советскими людьми менее жестокими и зверскими.

Тов. Тер-Григорян приводил здесь библейскую легенду о сорока годах странствия евреев по пустыне. По-моему, он неверно толковал ее. Дело не в том, что Моисей хотел за сорок лет переделать рабскую психологию своего народа, а в том, что сорок лет нужно было, чтобы люди, помнившие рабство, физически вымерли. Я так понимаю эту легенду. Я думаю, что с наследием наших страшных лет можно будет покончить лишь тогда, когда люди, воспитанные этими годами, физически исчезнут в нашем обществе. Я говорю это не только о людях моего возраста, но и о тех, кто моложе меня лет на двадцать. Надежда моя — на молодежь, которая не прошла через такое воспитание. Я ее очень люблю. Она, разумеется, делает глупости, но у нее есть дух критики, дух независимости мысли, она не оглядывается на директивы, а ищет, и она найдет. Найдет, но только в том случае, если сумеет реабилитировать совесть...

Если же мы не сумеем восстановить место совести в нашей жизни, если мы не реабилитируем совесть, то вся эта галиматья с луной, спутниками и прочим окажется бредовым цирковым трюком на финальном этапе истории человечества.

28 апреля 1966 года
В. Т. Шаламов — письмо И. Г. Эренбургу

«Илья Григорьевич, от всей души благодарю Вас за выступление в библиотеке 9 апреля. Только сегодня мне удалось просмотреть запись Ваших ответов на вопросы (а о самом вечере я и не знал).

Я совершенно согласен с главной мыслью о необходимости реабилитации совести, о нравственных требованиях, которые предъявляет к человеку подлинное искусство. Ответ — в искусстве, а не в спутниках, не в лунах. Полеты в Космос не сделают человека ни хуже, ни лучше, ибо по Вольтеру: «Геометрия оставляет разум таким же, каким она его находит».

Верно и то, что не в Сталине дело. Сталин даже не символ. Дело гораздо, гораздо серьезней, как ни кровавы реки тридцать седьмого года. Вы отвели «неограниченное количество часов» для человека, который может ответить на этот вопрос. Ответ существует, только он ищется десятилетиями, а выговаривается годами.

О письме, адресованном Вам. Эрнст Генри — не из тех людей, которые имели бы право делать Вам замечания, наскоро сколачивая себе «прогрессивный» капитал. Я отказался читать эту рукопись именно по этой причине.

Очень, очень рад, что Вы без обиняков заговорили об отношении к Вашей книге в «Новом мире». Это — журнал конъюнктурный, фальшивый, враждебно относящийся к интеллигенции [21]. Хрущева они чернят с 18 октября 1964 года [22], начиная с очерка Троепольского о реках [23] и кончая последними стихами Твардовского о деревне [24].

Рад, что восстановлена глава о Фадееве, зачеркнутая Твардовским. Рад, что воскресло имя Бухарина. Рад, что Вы расширите Тынянова. Рад, что Вам обещают 8 и 9 том собрания сочинений.

О молодежи. Это — очень важный, это страшный вопрос: о сорока библейских годах, о погибших поколениях, отравленных этим ядом. Мне скоро шестьдесят лет, и я хотел жить лучше других. Я отвечаю на вопрос о молодежи иначе, чем Вы, но хотел бы жить Вашей верой! М. б., Вы и правы.

Желаю Вам здоровья, сил душевных, духовных и физических, необходимых в Вашей огромной работе, за которой я много-много лет слежу с самым теплым чувством.

Ваш В. Шаламов».

236

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

1. Все приводимые здесь тексты Шаламова цитируются по подлинникам, хранящимся в фонде И. Г. Эренбурга в ЦГАЛИ.

2. Поэтесса Н. Королева приводит такие слова Ахматовой: «В Москве это наделало шуму, потому что впервые о нем по-человечески» («Книжное обозрение», 1989, № 24).

3. Цитируется по записи, напечатанной в журнале «Грани» (№ 77, 1970 г.).

4. Речь идет, конечно, о распространении стихов Мандельштама в списках. Первые журнальные их публикации появились позже — Н. К. Чуковский напечатал стихи Мандельштама в «Москве» (1964, № 8), а И. Г. Эренбург — в алма-атинском «Просторе» (1965, № 4).

5. Из письма В. А. Мильман, работавшей в 1932—1949 гг. секретарем Эренбурга, литературоведу Е. И. Ландау от 18 мая 1965 г.

6. Лица, определявшие тогдашнюю издательскую политику, смотрели на это дело иначе, и сборник стихов Мандельштама вышел лишь в 1973 году, через шесть лет после смерти Эренбурга, а следующее издание только в 1989 году.

7. Затем мемуары Эренбурга не издавались более 20 лет и даже упоминание о них в печати считалось нежелательным.

8. Приступив к осуществлению огромного замысла, Эренбург решил довести повествование до начала оттепели. В конце 1966 года он начал работу над седьмой книгой, посвященной хрущевской эпохе, но завершить ее не успел. Назвав здесь тридцатилетний срок, Шаламов, как оказалось, точно определил границу брежневской эры, конца которой он не дождался.

9. «Люди, годы, жизнь».

10. В 1932 году Эренбург совершил поездку по Сибири и Уралу, результатом которой стал его роман «День второй».

11. Речь идет об «Открытом письме Илье Эренбургу» Эрнста Генри, которое он начал распространять в самиздате еще до того как его получил Эренбург, не имевший возможности ответить на это письмо печатно в силу условий тогдашней цензуры. Письмо Э. Генри теперь опубликовано (см., например, «Дружба народов», 1988, № 3).

12. Эти вопросы были сформулированы Пальмиро Тольятти в его «Памятной записке», над которой он работал в августе 1964 г. в Ялте перед смертью (опубликована в «Правде» 10 сентября 1964 г.).

13. Имеется в виду гитлеровская Германия.

14. Эренбург написал о Бухарине в той главе первой книги «Люди, годы, жизнь», где речь шла о гимназической большевистской организации, в которую его вовлек Бухарин. Ознакомившись с этой рукописью, редакция «Нового мира» не сочла возможным добиваться опубликования положительного текста о «враге народа» и предложила автору получить соответствующее разрешение самостоятельно. 8 мая 1960 г. Эренбург обратился по этому вопросу к Хрущеву, но ответа не получил.

15. При публикации пятой части мемуаров в «Новом мире» (1963 г., № 1—3) были изъяты главы о Кончаловском и о «Черной книге», посвященной гитлеровским зверствам над еврейским населением СССР и запрещенной Сталиным, а также сделаны многочисленные купюры в тексте других глав. Однако это было компромиссным решением после письма Эренбурга Хрущеву в связи с полным запрещением публикации пятой части, начиная со второго номера журнала.

16. Речь идет о Л. Д. Троцком, у которого Эренбург жил в Вене в 1909 году, уже вовсю сочиняя стихи. Безапелляционные высказывания Троцкого о творчестве тогдашних русских поэтов послужили окончательным толчком к отходу Эренбурга от социал-демократической эмиграции. Однако он не считал возможным назвать в этом контексте имя Троцкого, поскольку это могло быть истолковано как вольное или невольное участие в длившейся с 20-х годов кампании чудовищной клеветы против выдающегося революционера. Теперь, когда настает возможность объективной оценки деятельности Л. Д. Троцкого, представляется оправданным раскрытие его имени в мемуарах Эренбурга.

● *Портрет Ильи Эренбурга работы П. Пикассо.*

17. В 1964 году издательство «Советский писатель» выпустило отдельным изданием третью и четвертую книги «Люди, годы, жизнь», сопроводив их предисловием, в котором читателей предупреждали об отступлениях автора от «исторической истины» и о необходимости сугубо критического отношения к его труду.

18. Глава о Фадееве была снята «Новым миром» по требованию А. Г. Дементьева, написавшего в рецензии, что Эренбург не любит Фадеева, и А. Т. Твардовского, написавшего на полях этой главы: «Ох, это не Фадеев!». Из текста мемуаров были изъяты все сколько-нибудь критические упоминания о Фадееве. Отметим, что эренбурговские воспоминания о Фадееве были достаточно взвешенными и доброжелательными. Это была попытка разобраться в драме Фадеева, приведшей его к трагическому концу.

19. Глава о Тынянове для пятой книги была написана Эренбургом в значительной мере по настоянию В. А. Каверина. Кроме нее, он написал для пятой книги также главу о В. С. Гроссмане.

20. Неточность. Имеется в виду кампания, развернутая по указанию Сталина против статьи Эренбурга «Хватит!» («Правда», «Красная звезда», 9 апреля 1945 г.). В статье зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова «Тов. Эренбург упрощает!» («Правда», 14 апреля 1945 г.) писателю инкриминировались призывы уничтожать немецкое население, к чему он, разумеется, никогда не призывал.

21. Это высказывание вряд ли можно считать справедливым. Оно отражает скорее даже не известную ограниченность политических и литературных взглядов Твардовского (заметно прогрессировавшего в ту пору), но отношение редакции к прозе Шаламова. Один из ближайших сотрудников Твардовского В. Я. Лакшин недавно вспоминал о Шаламове: «Помню его появление в «Новом мире» в начале 60-х годов, едва ли не той зимой, когда была напечатана повесть об Иване Денисовиче. Высокий, костистый, чуть сутулившийся, в длиннополом пальто и меховой шапке с болтавшимися ушами... Лицо с резкими морщинами у щек и на подбородке, будто выветренное и высушенное морозом, глубоко запавшие глаза... Он никогда не снимал верхней одежды, так и входил в кабинет с улицы, забегал на минутку, словно для того лишь, чтобы удостовериться — до его рукописи очередь еще не дошла» («Знамя», 1989, № 6).

Конечно, Шаламов не мог формировать свое отношение к той ситуации с такой интонацией внутреннего покоя. Однако уже пару лет спустя он, надо думать, не мог бы не признать, что «Новый мир» стал единственным органом в стране, выражавшим оппозицию всей демократической интеллигенции безмерной власти партократии.

22. Н. С. Хрущев был свергнут 14 октября 1964 г.

23. Имеются в виду очерки Г. Троепольского «О реках, почвах и прочем» («Новый мир», 1965, № 1), написанные в мае — ноябре 1964 г. и направленные против антиэкологической политики ведомств. «Пришла пора, когда пересматриваются многие непродуманные, субъективные решения»,— писал Троепольский, завершая очерк, и эти слова были не столько даже критикой хрущевской политики в отношении природы, сколько выражением надежды на государственный ум и гуманность нового руководства. Насколько наивными были эти надежды, показало будущее.

24. Имеется в виду, в частности, стихотворение Твардовского «А ты самих послушай хлеборобов» («Новый мир», 1965, № 9), которое, конечно же, не могло быть напечатано при Хрущеве, но не утратило актуальности и сегодня.

Публикация, предисловие и примечания
Б. ФРЕЗИНСКОГО.